Павел Андреевич Федотов (1815-1852)

Родился будущий художник в Москве в семье титулярного советника. Его первые детские впечатления формировались в общении с мелкочиновничьей и купеческой средой, с которой были связаны родные и близкие.

Отец, старый суворовский солдат, готовил сына к военной карьере. И потому десяти лет от роду мальчик был определен в московский Кадетский корпус.

Способности у мальчика были блестящие, память была необычайная, и начальство могло быть смущено только тем обстоятельством, что на полях учебных тетрадей Федотова находилась целая коллекция портретов учителей и надзирателей, да еще вдобавок в карикатурном виде.

Портрет отца (1837, ГТГ)

После блестящего окончания Кадетского корпуса Федотов был направлен в Петербург, на службу в лейб-гвардии Финляндский полк.

Здесь молодой офицер в первое время закружился в вихре петербургской светской жизни, но скоро понял, что с его скудными средствами ему нельзя тянуться за товарищами. Да и давний интерес Федотова к живописи в Петербурге еще больше окреп.

И вместо балов он начал посещать вечерние классы **Академии художеств.**

П.А. Федотов и его товарищи по лейб-гвардии Финляндскому полку (ГТГ)

«Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка вел. Кн. Михаила Павловича 8 июля 1837 г.»

Пребывание в Корпусе, а затем знакомство с полковыми нравами давали будущему художнику богатый материал. Ранние работы Федотова изображают обычно сцены казарменной жизни, портреты офицеров и близких знакомых. С добродушным юмором высмеивает он в своих несложных набросках неполадки воинского быта. Но уже в этих ученических рисунках ощущается неизменное стремление к правде. Много времени художник посвящает изучению картин в Эрмитаже, особенно «малых» голландцев. Но основным учителем для него, как он считал, была сама жизнь. Его привлекали площади, рынки, окраины Петербурга. Он любил смешиваться с толпой, прислушиваться к говору, изучать характерные черты и обычаи крестьян, торговцев, ремесленников.

«Моего труда в мастерской немного — только десятая доля, — утверждал художник. — Главная моя работа на улицах и в чужих домах... Мои сюжеты рассыпаны по всему городу, и я сам должен их разыскивать».

Начав военную службу прапорщиком лейб-гвардии гренадерского Финляндского полка в Санкт-Петербурге, Федотов занимается музыкой, переводами с немецкого, пишет эпиграммы на друзей и товарищей, рисует на них карикатуры.

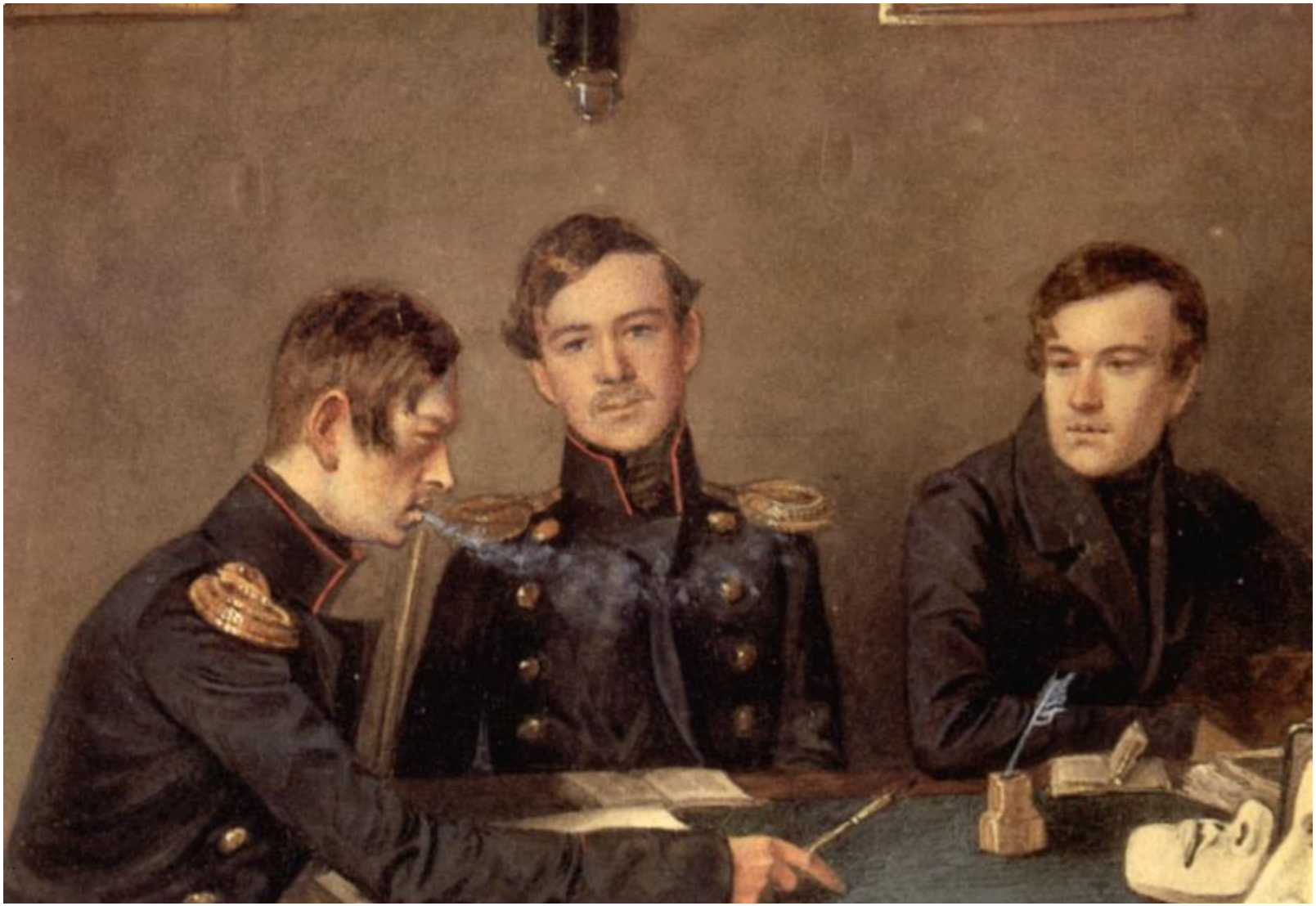
В свободное от службы время он занялся карикатурами и портретами, которые были чрезвычайно удачны и обратили на себя внимание ценителей.

Господа! Женитесь – пригодится! 1840

Бивуак лейб-гвардии гренадерского полка, 1843

После долгих убеждений начинающий художник решился оставить службу и с пенсией вышел в отставку.

На эту пенсию он права не имел: ему она была назначена только по особенной милости государя Николая Павловича, оценившего его талант и предполагавшего, что из него выйдет хороший батальный живописец.



В 1844 г. Федотов оставляет военную службу, чтобы свободно заняться живописью. С выходом в отставку он вынужден довольствоваться скромным ежемесячным содержанием в 100 рублей. Большую часть этой суммы он отсылал родным в Москву. Остальное уходило на художественные материалы и скромную жизнь в маленькой квартирке из двух комнат: в одной была мастерская и спальня художника, в другой жил его денщик Коршунов.

Федотов переехал на Васильевский остров, нанял небольшую комнатку от хозяйки и поступил в Академию художеств.

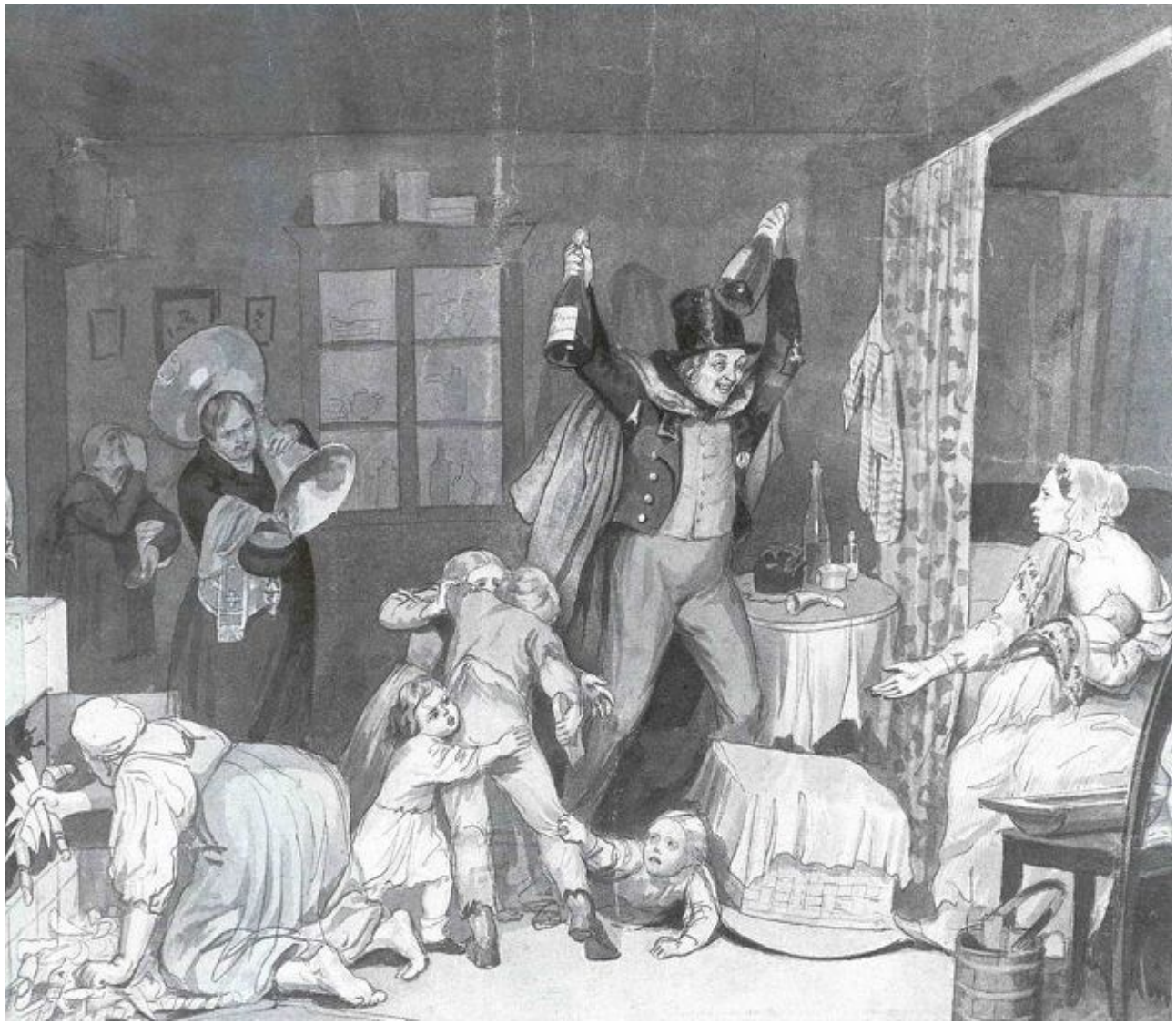
С раннего утра молодой живописец засаживался за свои эскизы и этюды, кутаясь от холода в тулупчик, надетый поверх халата, и только в жарко натопленных классах Академии отогревался от домашней работы.

Прогулка. Автопортрет с отцом и сестрой

Мышеловка, или Бедной девушке краса - смертная коса

В академических классах, под руководством профессора Зауервейда, тоже, по-видимому, сомневавшегося в его таланте, он изучал батальную живопись. Профессор требовал рутинной компоновки, той вылощенности и вылизанности в изображении солдат, какой требовало их начальство на майских парадах.

Федотову все это было не по сердцу, и дома он отводил душу, изображая самые обыденные жанры, освещенные самым добродушным юмором автора.



Крестины

Все холера виновата! 1848

Чего не поняли Брюллов и Зауервейд, то понял Иван Андреевич Крылов. Он случайно увидел эскизы молодого живописца и написал художнику письмо, убеждая оставить навсегда лошадок и солдатиков (батальную живопись) и приняться за настоящее дело — за жанр.

Совет литератора звучал так: «Покажите наш народ, какой он есть…»

Что Федотов и сделал, первым в России создавая работы в жанре **«нравственно-критического реализма».**

Федотов становится родоначальником критического реализма в русской живописи. Довольно бросить беглый взгляд на совокупность произведений этого художника, чтобы распознать в них два направления, не представляющих, однако, резкого перехода от одного в другое. Работы, относящиеся к первому направлению, ограничиваются рисунками и эскизными набросками. Они сильно отзываются влиянием английского художника **Уильяма Хогарта.**

В 1850 году на выставке в Московском училище живописи Федотов показал семь сепий «нравственно-критического содержания», которые он, вероятно, намеревался издать отдельным альбомом. Раздел выставки, названный просто «Сепии», в наибольшей степени отражает ее главную тему «театра жизни». Это именно театр, граничащий с клоунадой. Вполне в духе самого Федотова зрители на выставке, рассматривающие и обсуждающие эти композиции, рифмуются с героями сепий — не сюжетно, конечно, а пластически.

Первое утро обманутого молодого.

Вот описание сепии **«Первое утро обманутого молодого»**, составленное самим художником:

«Обманутый во всем молодой в отчаянии схватился за голову. Молодая на коленях просит прощения — и за волосы и зубы, которые под венцом были не так в плохом состоянии, и за всю мебель, и приданое, которое было взято напрокат и теперь выносятся, и, наконец, за то... от чего собачонка в спальне не лает, а служит перед кавалером, подающим украдкою в окно записочку няне, которая, кажется, собиралась оправить постель новобрачных.

Старый дядька молодого стоит в грустном оцепенении. Полотенце и щетка уже не нужны: мести и обтирать нечего, — за всем этим пришел с распиской лавочник, команда которого — носильщики, рыночные и площадные бродяги — несут все вон».

Федотов не был женат — при своем скудном обеспечении он запретил себе даже мечтать о семейных радостях («Меня не станет на две жизни, на две задачи, на две любви — к женщине и искусству», — писал он близкому другу и своему первому биографу Александру Дружинину). Однако он очень часто изображал себя в роли обремененного семьей или озабоченного матримониальными планами персонажа сочиненного им самим «театра», причем легко заметить, что изображал чаще всего в качестве «жертвы обстоятельств» — тех, что у Достоевского назывались «среда заела».

Художник, женившийся без приданого в надежде на свой талант.

Сам же Федотов со свойственными ему педантичностью и красноречием излагал сюжет сепии так: «Талант его не в моде, и картины по стенам висят, оставшись без покупателей. Для прокормления огромного семейства принужден писать уже вывески, но и на то нет сил от болезни и горя. На столе умершее дитя, подле него икона, с которой снята риза (конечно, для продажи или заклада). Дворник вынул вьюшку печи, чтобы выжить бедняков холодом. Рамки идут в ломку на топку. Дети, конечно, без воспитания: сын принес матери серебряный чайник, но показывает его что-то робко из-под полы — вероятно, краденый. А дочь...»

«Сцены из обыденной жизни» — это в основном карандашные рисунки, сочиненные на основе житейских наблюдений, — Федотов рисовал беспрестанно, с остротой, юмором, а иногда и ехидством фиксируя человеческие «повадки» в таких «типических обстоятельствах», которые не утрачивают актуальности до сей поры (как, например, в рисунке «Взяточник»).

«Чтобы понять, до какой степени этот труд был велик, нужно вспомнить необыкновенную добросовестность Федотова и его глубокое отвращение к рисовке предметов из головы, то есть без натуры перед глазами», — вспоминал Дружинин.

«Взяточник»

После выставки в Петербурге произведения Федотова были показаны в Москве, которая приняла их восторженно. «Мои картины производят фурор», — писал радостно Павел Андреевич. Еще больше обрадовали его слова К. Брюллова: «Поздравляю Вас, Вы меня обогнали». Это было настоящим признанием художника-жанриста.

Но вскоре отношение к творчеству Федотова изменилось. В его картинах критики стали усматривать «злобу и сатирическую насмешку над изображаемыми лицами». Стало известно, что имя Федотова фигурировало на следствии по делу петрашевцев. В прессе началась травля художника. Особенно старался реакционно настроенный «Москвитянин». Журнал опубликовал статью московского профессора Леонтьева, который считал живопись Федотова «временной» и «злобной», ей не может быть места в «христианском обществе». В результате — литографии с картин Федотова были запрещены, не стало заказов на рисунки.

Тяжелое материальное положение художника усугубилось после смерти отца. Теперь на плечи Павла Андреевича лег весь груз забот о семье (двух сестрах и племянниках). Из-за долгов он был вынужден продать родительский дом.

Даже в это трудное время Федотов не прекращал работы над картинами. Писал лихорадочно быстро, стремясь осуществить все свои замыслы.

От жанровых картин он перешел к созданию портретов, лучшим из которых считается **портрет Н. П. Жданович** * (1849 г.), а затем — драматических полотен.

Считается, что поводом к возникновению сюжета стали обстоятельства личной жизни Федотова: будучи беременной, его сестра овдовела, оставшись без средств к существованию. Идея картины была необыкновенно дорога художнику, но вовсе не в силу печальных семейных обстоятельств.

«Вдовушка»* — первая живописная работа, где Федотов целенаправленно уходит от прежде присущей его живописным полотнам остроумной описательности, от изображения события в сторону того, что принято называть настроением, состоянием.

Художник создал в этой картине глубоко лирический, трогательный в своей беспомощности, образ молодой женщины - будущей матери, одинокой после смерти мужа офицера. Всё имущество - мебель и посуда - опечатано за долги. Федотов заставляет зрителя задуматься о положении маленького человека, обречённого на нужду и лишения в крепостнической России.

На переднем плане разместилась Вдовушка, облокотившись на комод. Вещей немного. Столовое серебро, наваленное в корзину и бесприютно выставленное прямо на пол. Стул, придвинутый к опечатанной двери. Крохотный столик на одной ноге. Постель, еле видная в темном углу. На стуле свеча, но не для света, а для того, чтобы греть на ней сургуч. На всем болтаются ярлыки с печатями.

Только несколько вещей остались не поруганы казенным сургучом. Это комод красного дерева, а на нем портрет мужа (тут Федотов не удержался, написал себя самого, только в гусарском мундире), образ Спаса, корзинка с яркими мотками ниток для вышивания, шкатулка, папка, из которой высовывается нотный листок, толстая книжка с закладкой, может быть Евангелие, да еще на полу прислоненные к комоду пяльцы с неоконченным вышиванием, бережливо обернутые чистой тряпицей. Это маленький островок сбившихся беспорядочно, подобно овцам в грозу, вещей — то немногое, что у Вдовушки осталась, к чему она оттеснена нашествием казенного мира, за что она держится,— кусочек ее прошлой жизни, состоявшей из незатейливых радостей и необременительных забот.

«Свежий кавалер»*,
или **«Утро чиновника, получившего первый крестик»,**
или **«Последствия пирушки» (1846 г.)**

Художник и критик Александр Бенуа хотя и писал, что в картинах Федотова «есть насмешка над очень мерзким и порицание очень позорного», одновременно отмечал, что тот глубоко сочувствует своим героям, делит их интересы и их сетования.

Бедный чиновник, получив младшую из наград Российской империи — орден св. Станислава 3-й степени — вечером устроил у себя в комнате пирушку. Его сожительство с кухаркой и её беременность ограничивает доступное ему общество низшими слоями населения: его уснувший под столом гость — «тоже кавалер», отставной солдат с двумя Георгиевскими крестиками на груди. Приняв позу античного героя, запахнув поношенный халат наподобие тоги и выпятив нижнюю губу, чиновник указывает кухарке на свой орден.

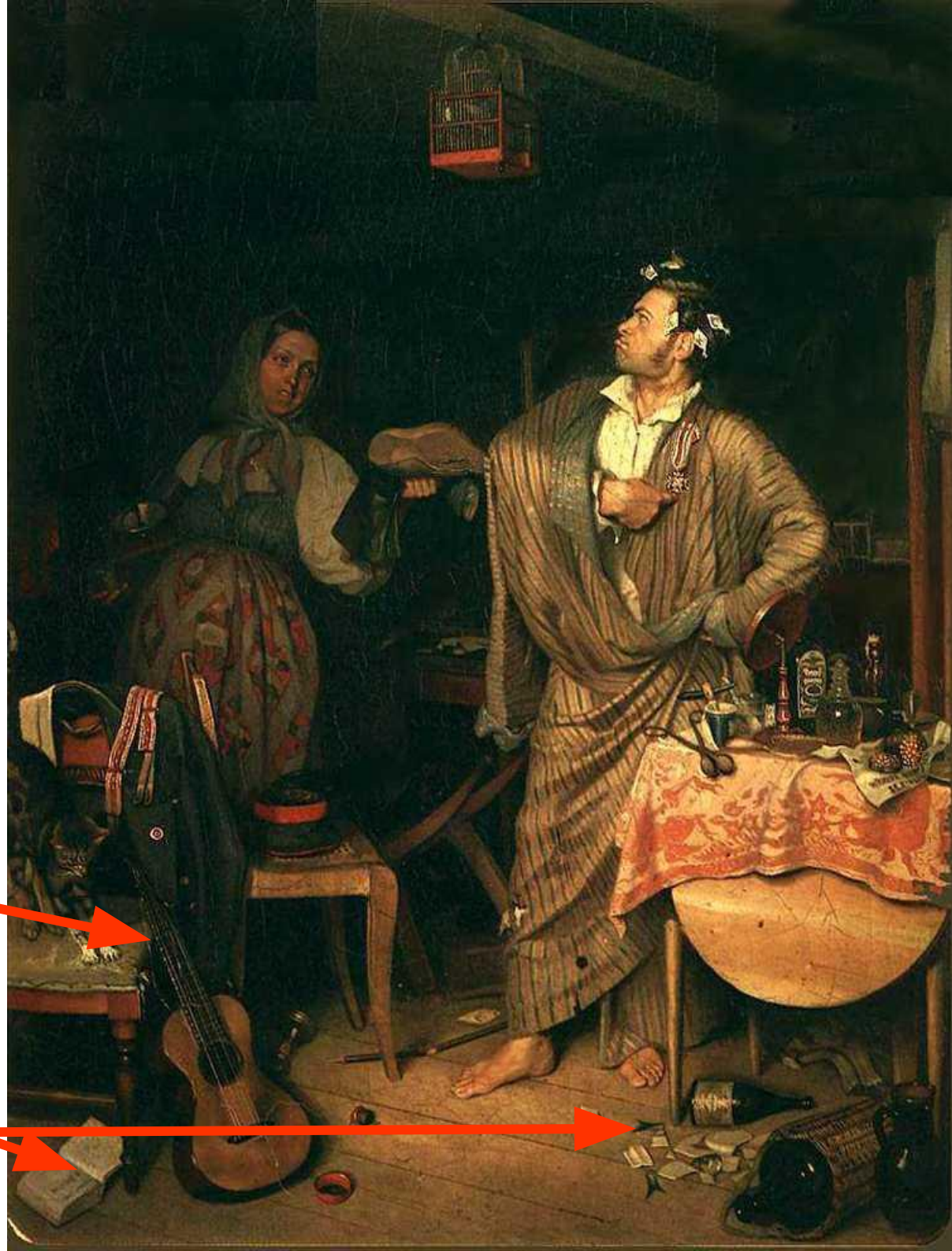
Тесная комнатка заставлена разномастной мебелью. На укрытом скатертью столике стоят в беспорядке бутылки, тарелки, на газете «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» лежит кусок колбасы. Рядом зеркальце, бритвенные принадлежности и щипцы для завивки волос. Под столиком спит собака, а на стуле напротив потягивается, царапая обивку, беспородная кошка; к потолку подвешена птичья клетка. К стулу прислонена гитара с порванными струнами, на спинке этого стула висит форменный мундир со значком «За 15 лет беспорочной службы». Под стулом лежит раскрытая книга — это популярный социально-нравоучительный роман Ф. Булгарина «Иван Выжигин». На задней стене виднеются картины в рамах и кинжал кавказского типа.

Насыщенность деталями, как обычно у Федотова, превращает картину в «живописный текст», который следует внимательно читать.

струны гитары оборваны

книга Фаддея Булгарина

селедочные хвосты



В 1849 г. на выставке Академии художеств помимо этой картины Федотов представил еще две — **«Разборчивая невеста»** и **«Сватовство майора»**. В них во всю ширь развернулся его талант народного бытописателя. Успех превзошел все ожидания.

Картина **«Сватовство майора»** принесла автору настоящий триумф. За рядовым обычаем — сватовством разорившегося дворянина к богатой купеческой дочке — скрывалось осуждение нравов господствующих сословий. Герои картины были достаточно типичны и узнаваемы: молодцеватый жених, пышная, с округлыми плечами и плавными движениями невеста, простоватый купец, озабоченная купчиха, суетливая сваха... Не прибегая к шаржу, лишь с помощью реалистического изображения Федотов сумел передать и ограниченность купеческой дочки, и продажность майора, и грубость купчихи — всю ту душную атмосферу замкнутого эгоистическими интересами мира, в котором живут герои.
Недаром за эту картину художник был удостоен звания **академика живописи.**

Работая над картиной **«Сватовство майора»**, Федотов прежде всего шел от жизни. Здесь все, до последней мелочи — разноцветных стеклышек на люстре, пирога и бутылки шампанского на подносе — было предметом серьезного изучения. Особенно тщательно художник отбирал типажи героев.

Павел Федотов намеревался стать художником-баталистом, но когда Иван Крылов увидел его бытовые зарисовки, он порекомендовал ему продолжать работать в этом направлении.

Публика в середине XIX в. уже пресытилась воспеванием красоты и благородства, а ироничные картины, вызывающие смех, были на тот момент большой редкостью.

Бытовой жанр существовал и до Федотова, но художники акцентировали внимание на жизни крестьян, а быт купечества и дворян реже становился объектом их внимания.

Федотову удалось «населить» картину типичными представителями купечества и дворянства и создать своеобразную «комедию положений» в живописи.

Поэтому стиль Федотова называли «комическим реализмом».

«Разборчивая невеста»*

«Сватовство майора»*

Картина из серии «Модный брак»

У.Хогарт

«Сватовство майора»*

П.Федотов

Что объединяет?

О том, как люди на свете живут,
Как иные на чужой счет жуют.
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся.

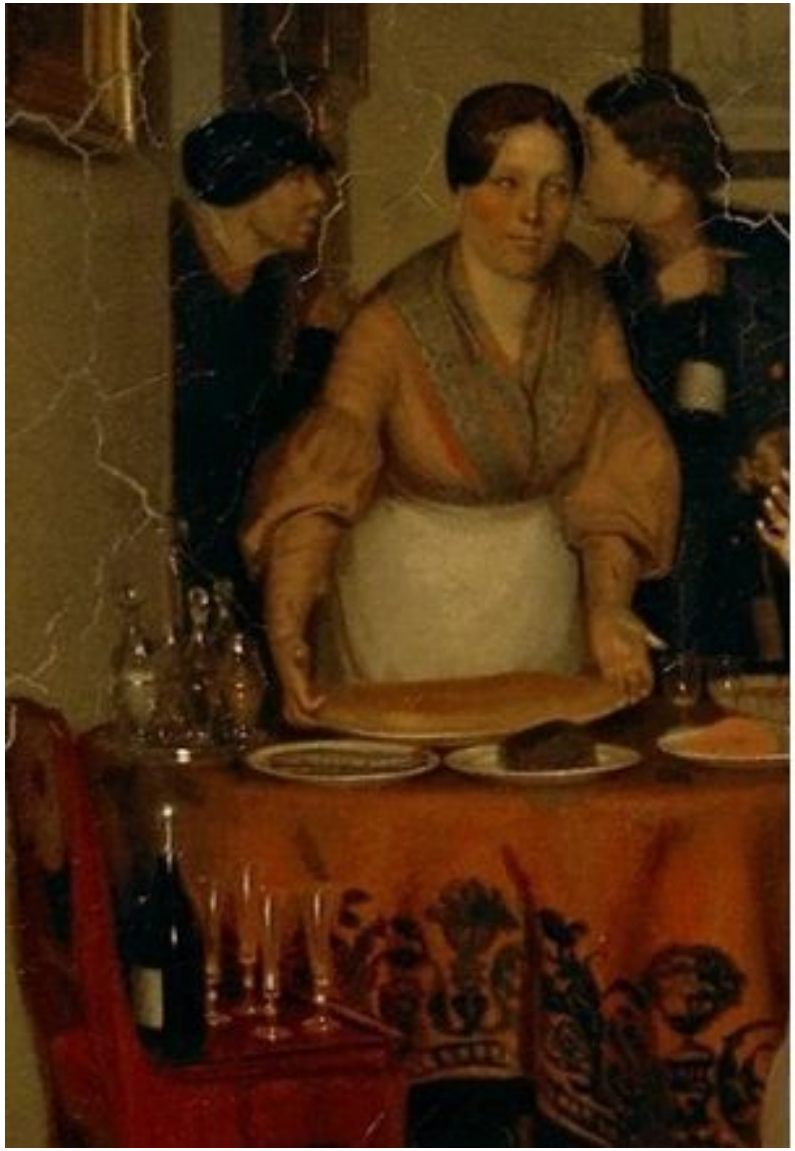
Майор толстый, бравый,
Карман дырявый.
Крутит свой ус:
«Я, дескать, до денежек
Доберусь...»

По-старинному, в сизом платочке,
Остальной же наряд
У француженки взят
Лишь вечор для нее и для дочки

Умная мать за платье — хвать!

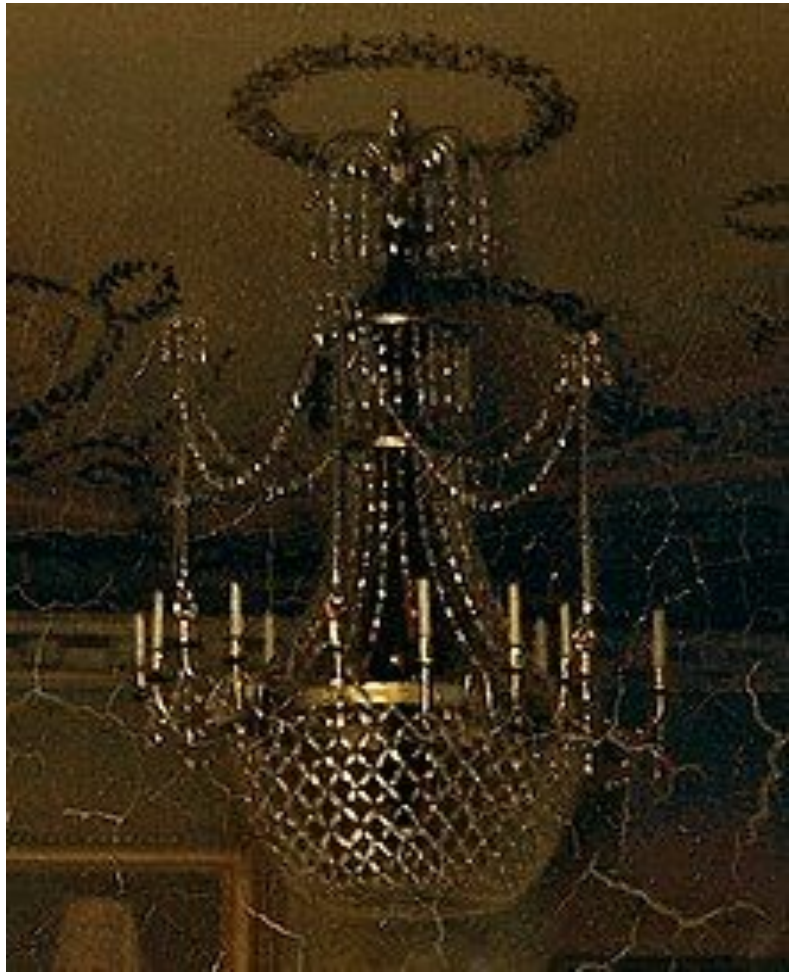
Мужчина,
чужой!
Ой, стыд-то
какой!

Как хозяин-купец,
Невестин отец,
Не сладит с сюртуком;
Он знаком больше с армяком.
Как он бьется, пыхтит,
Застегнуться спешит:
«Нараспашку принять –
неучтиво!



И комната, и персонажи выглядят комично: действие происходит в передней, а не в гостиной или столовой, что не соответствует этикету, жених явился без букета, невеста и маменька в бальных платьях, что противоречит и случаю, и времени суток, скатерть не годится для приема пищи – она уместнее смотрелась бы в кабинете или будуаре, накрытый стол слишком мал для такого количества закусок.

«При отделке этой картины Федотову прежде всего понадобился образец комнаты, приличный сюжету картины. Под разными предлогами он входил во многие купеческие дома, придумывал, высматривал и оставался недовольным. Один раз, проходя около какого-то трактира... художник приметил сквозь окна главную комнату и люстру с закопченными стеклышками, которая «так и лезла сама в картину». Тотчас он зашел в трактир и нашел то, что искал так долго»



Картина **«Сватовство майора»** стала главным произведением зрелого творчества Федотова, именно она принесла живописцу звание академика.

Действие этой картины напоминает сценическое, оно пронизано движением, которое начинает входящий майор и его сваха, от них движение передается жеманной невесте и ее матери, и далее – прислуге и приживалкам, которые разнесут весть о сватовстве по всему городу.

Невеста и ее мать по случаю прихода знатного жениха разряжены в модные платья, которые они не привыкли и не умеют носить.

На столе стоят дорогие вина и яства. Майор подкручивает ус, предвкушая скорое приобретение богатого приданого...

Художник демонстрирует удивительное живописное мастерство. Своим полотном он утверждает, что **мир прекрасен и разнообразен, лишь система общественного устройства дурна.**

Он относится к своим персонажам с мягким юмором, он им сочувствует, его ирония – без зла.

Картина

«Завтрак аристократа»*
написана П. А. Федотовым в 1849-50 гг.

В ней автор высмеивает ничтожество молодого аристократа, промотавшего состояние, но стремящегося к внешнему блеску и к жизни напоказ.

Павел Федотов прославился как **мастер бытовой живописи**. Он работал в жанре, который называл **«нравственно-критическими сценами из современной жизни».** Особое значение во всех его работах имели детали, которые раскрывали внимательному зрителю истинный смысл сюжета. Множество незаметных на первый взгляд предметов на картине **«Завтрак аристократа»** позволяют сделать выводы о характере и образе жизни персонажа.

На создание **«Завтрака аристократа»** его вдохновил опубликованный в 1848 г. в журнале «Современник» фельетон под названием «Письма столичного друга к провинциальному жениху». Автор фельетона, писатель И. Гончаров, с иронией говорил о столичных франтах: «Чтобы надеть сегодня привезенные только третьего дня панталоны известного цвета с лампасами… он согласится два месяца дурно обедать». Сомневаясь в том, что демонстрируемый на людях шик действительно был по карману этим щеголям, автор задавал вопрос: «А пробовал ли ты нечаянно приезжать к таким людям домой и заставать их врасплох?».

Нынешним зрителям убранство комнаты, изображенной на картине, мало о чем говорит, однако современники автора понимали, что аристократ окружен модными и дорогими предметами.

Тем сильнее становился комический эффект от скудного завтрака этого франта – куска черного хлеба, который хозяин впопыхах пытается прикрыть книгой.

Молодой «аристократ» одет по последней моде: восточный стиль в те времена считался шиком. На юноше дорогой шелковый халат, парчовая шапочка с бухарским орнаментом, шелковые шаровары и сафьяновые турецкие туфли. В середине XIX в. халаты такого фасона рекомендовали столичным денди в модных журналах. Но, как говорится, «на брюхе шелк, а в брюхе – щелк»!

Шикарный персидский ковер изрядно поношен и давно не чищен.

Несмотря на дорогие предметы одежды и интерьера, на бедственное положение героя, кроме куска черного хлеба, указывает и еще одна красноречивая деталь: на столе лежит кошелек, он вывернут наизнанку (очевидно, в результате судорожных поисков денег) – и мы видим, что он пуст. На столе стоит колокольчик, который обычно использовался для вызова слуг, но судя по тому, что гость застал юношу врасплох, о его приходе никто не доложил. По всей видимости, в доме только один лакей, и он куда-то отлучился.

Любимым развлечением аристократов в XIX в. был театр. На спинке стула мы видим афиши спектаклей, а внизу лежит рекламный листок с надписью «устрицы», что рядом с куском черного хлеба на столе выглядит комично. Над столом висят гравюры – портреты известных в то время европейских танцовщиц, что свидетельствует об увлечении героя балетом.

Герой старается следовать моде во всем – даже его собачка очень популярной на тот момент породы – пудель – пострижена «под льва». Сам император Николай I держал пуделя по кличке Гусар.

Модным в 1840-х гг. было и курение папирос. И тут герой не отставал от всех: в пепельнице на столе лежит остаток папиросы.

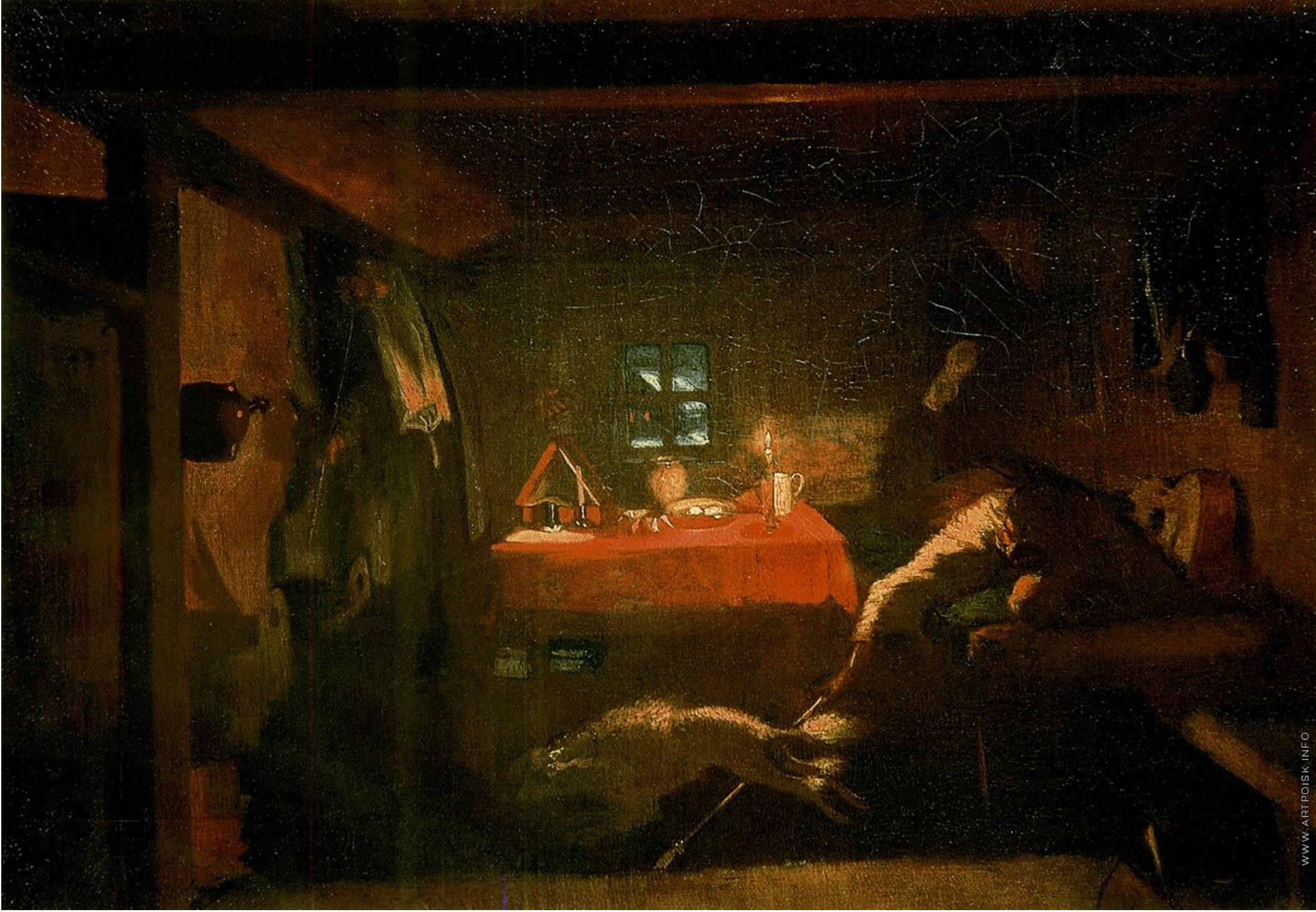
Немаловажные детали изображены под столом: это мусорная корзина и разбросанная рядом с ней колода карт. Корзина сделана из простой соломы, но в виде древнегреческой амфоры, которая, по словам искусствоведа Т. Ильиной, «словно пародирует своего хозяина... Как и хозяин, который хочет казаться аристократом, урна «притворяется» не тем, что она есть, а прекрасной вазой. И образ нищеты как отсутствия денег перерастает в нечто большее – в образ нищеты духовной».

А разбросанные на полу карты подсказывают причину, по которой герой промотал свое состояние.

Федотов создает картины **«Анкор, еще анкор!»** (1851-1852 гг.) и **«Игроки»** (1852 г.). Они не похожи на все предыдущие работы художника. В них он отказывается от развитого действия — содержание как бы уходит в подтекст. Живопись становится выразителем душевного состояния — тревоги, тоски, подавленности и духовного опустошения. Свеча в сумерках интерьера — довольно выразительная деталь и быта, и жизни в целом. Сентенция художника: **«Они убивают время, пока оно не добьет их»** относится непосредственно к персонажам «Анкора...» и «Игроков».

Люди — жертвы «пустого времени» — эта тема вырастает у Федотова до образного философского обобщения, где лица заменены масками, фигуры — манекенами; обычное физическое движение подменяется динамикой мелкого мазка, вибрирующим светом, и возникает страх от ощущения эфемерности происходящего.

Сам художник, подобно своим героям, бьется в это время в тисках нужды, непонимания, безрадостного существования.



Анкор, еще анкор!*

"Анкор…" - одна из последних работ П.А. Федотова, в которой художник создает трагический образ бессмысленного существования. Смешное и занятное, до этого так интересовавшее живописца, сохраняется лишь в названии (одно и то же слово повторяется в нем по-русски и по-французски). Художник берёт за основу самый простой и незамысловатый сюжет и возводит его до глубокого, активно воздействующего образа, своего рода символа.

В картине Федотова, прежде всегда любившего и умевшего рассказать о каком-либо важном для его героев событии, ничего не происходит. Зрители видят комнату, в тесном пространстве которой бесконечно повторяется одно и то же действие: лежащий на кровати офицер заставляет пуделя вновь и вновь перепрыгивать через препятствие, подгоняя собаку словами команды. Прыжки собаки и монотонные слова офицера, как маятник, отсчитывают медленно текущее время.

У противоположной стены угадывается фигура денщика, прочищающего чубук своего хозяина.

Свет огня от стоящей на столе свечи с трудом разгоняет тени. Здесь нет столь привычных по прежним работам Федотова любовно выписанных деталях, красивых вещей. Широкое движение кисти размывает контуры предметов, границы света и тени. Кажется, что колышущаяся темнота разрастается, поглощая и предметы, и людей. Недаром фигура денщика угадывается с таким трудом и представляется то грудой одежды, то просто сгустком теней.

Горячие красно-коричневые тона усиливают ощущение вязкой духоты, "закупоренности" этого мира.

Единственный противовес болезненному жару всей сцены - крохотное окно в самом центре композиции. За ним видна лунная зимняя ночь, но и там взгляд не встречает простора: пространство замыкается стоящим напротив домом, за освещенными окнами которого, скорее всего, течет такая же бессмысленная жизнь.

Художник рисовал персонажей **«Игроков»*** (1852 г.) с манекенов.

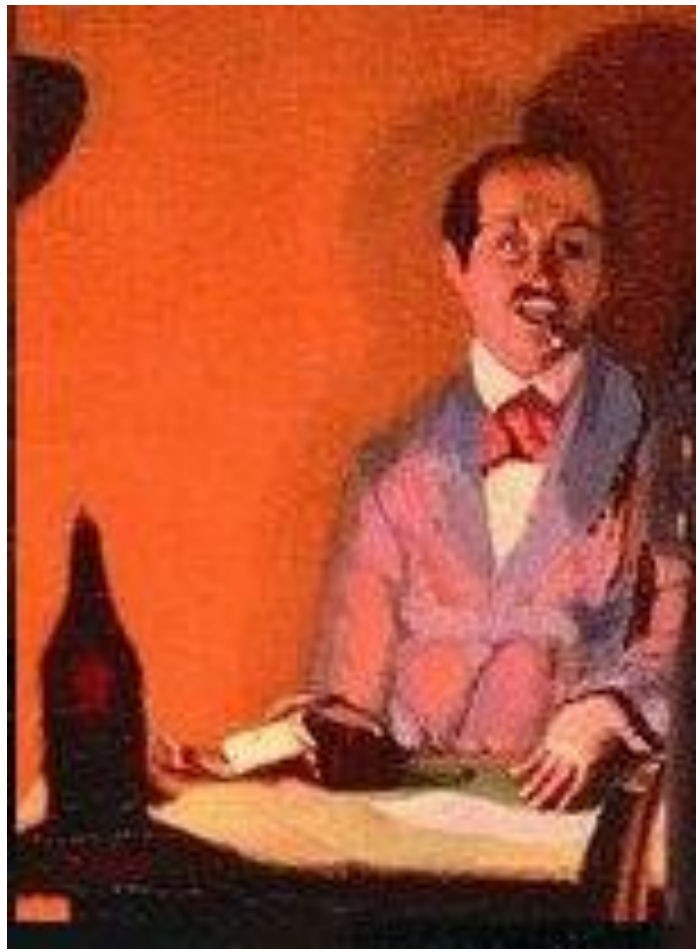
В картине **«Игроки»** автор пытается изобразить то, что происходит, взглядом героя, который проиграл, а его партнеры для него стали ужасными фантомами.

Игроки провели целый вечер во взаимообмане, соперничая, побеждая и терпя поражения. Все вели себя страстно и расчетливо, но были вместе. Их объединял стол из зеленого сукна и свет горящей свечи. И все это время тлела надежда на перемены к лучшему.

Ночь прошла, и те, кто выиграли, оказались по одну сторону светового рубикона, а тот, кто проиграл – по другую. В картине их разделяет не только свет, но и пространство помещения, и движения.

Проигравшего освещают две свечи, которые держит слуга, поэтому фигура кажется каким-то двойным нимбом темного цвета.

Выигравших художник изобразил не освещенными тенями.



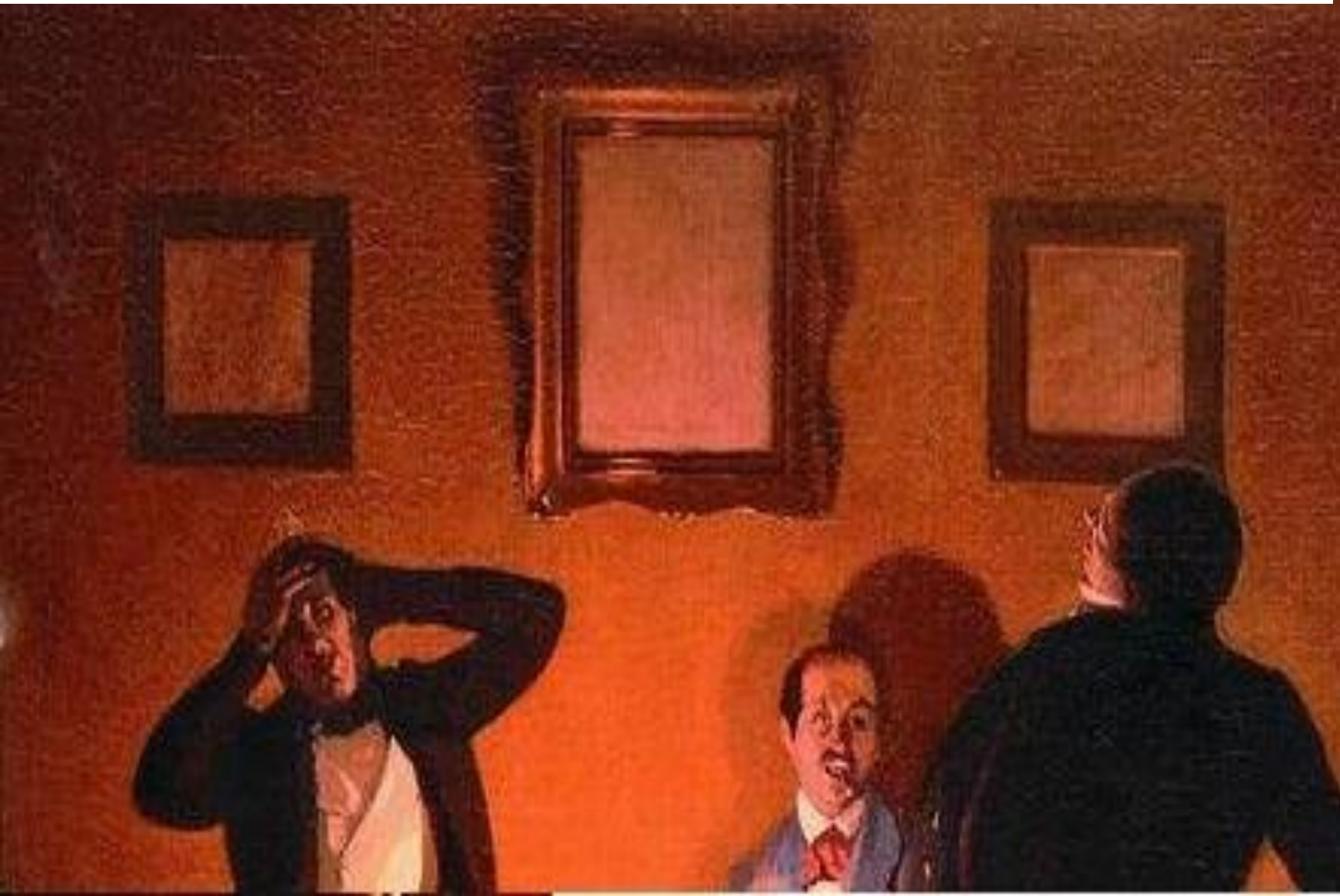
Проигравший не движется, а выигравшие как-то извиваются. Он проиграл, но не паникует и не плачет, а сжимает одной рукой стакан с вином, а другую беспомощно выворачивает ладонью вверх. Несмотря на проигрыш, он кажется смешным: в зубах недокуренная сигара, а на лице какая-то карикатурная гримаса, похожая на улыбку. Проигравший похож на сумасшедшего, он пребывает в трансе, ведя себя отрешенно и безмолвно, как одинокий зритель, который из партера смотрит на актеров, игрок глядит на своих соратников по игре, но не видит их.

Выигравшие шарахаются от яркого света. Они разбегаются во все стороны. Это просто безликие чудовищные фантомы, которые наказаны за победу непонятной для нас мукой. Вроде бы всех троих художник изобразил по-разному, но все они страшные, безжизненные, неестественные.

И эти три пустые души извиваются на фоне голой стены, где висят три пустые рамки и три отражателя нечисти – зеркала.

Вот так мастерски Федотов в «Игроках» показал, как люди, проводившие время за карточным столом, превратились в пустые оболочки.

В этой картине Федотов изобразил мир страшный, призрачный, с распавшимися связями, мир, в котором утрачен смысл существования.



Николай I смотрит на Федотова в лупу. Набросок, сделанный художником во время пребывания в больнице Всех скорбящих в Петербурге. 1852.

В июне 1852 года Федотов был помещен в психиатрическую больницу.

Он рисовал, даже находясь в лечебнице для душевнобольных (правда, случалось это в редкие моменты просветлений — большую часть времени он находился в смирительной рубашке из-за буйного характера помешательства, а лечили его при этом ударами кнута), и даже учил рисовать других пациентов.

Большой лист сплошь покрыт судорожно набросанными карандашом изображениями — мужские и женские профили, фигуры офицеров, обозначения карточных мастей, овечья голова, ребус с котом, скрипичные ключи, геометрические фигуры.

Среди этого лихорадочного месива — рисунок с императором Николаем I, разглядывающим в лупу самого Федотова как экспонат какой-нибудь энтомологической коллекции.

Творческая жизнь художника оказалась недолгой, но и за это время Федотов смог стать знаковой фигурой на пути эволюции русского искусства от романтизма к **реализму.**